
pocket**book**

rocket**book**

Людмила Петрушевская

Нагайна, или
Измененное время

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ1

Издание осуществлено при содействии
литературного агентства Vanke, Goumen & Smirnova

Оформление серии *Андрея Саукова*

В оформлении обложки использована иллюстрация:
© Eugene Ivanov / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Петрушевская, Людмила Стефановна.

ПЗ1 Нагайна, или Измененное время / Людмила
Петрушевская. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-105921-7

Книга Людмилы Петрушевской «Нагайна, или Измененное время» полна мистических сюжетов, тех явлений, когда душа соприкасается с вечным, до нас существовавшим и вдруг возникающим миром. Однажды случилось, что Л.С. Петрушевская, единственный русскоязычный автор, получила премию «World Fantasy Award» — всемирную премию в области фантастики. Но никто из наших фантастов не нашел этого писателя в списке «своих». Видимо, придется признать: у нас существует совершенно другая область фантазии — книга, которую вы держите в руках.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Петрушевская Л., 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105921-7

РАССКАЗЫ

НАГАЙНА

Дело происходило, как оно происходит всегда, вышли вместе из духоты зала, отыграла музыка, кончен бал.

Девушка явилась на этот бал как-то по-своему, она была здесь явно посторонняя и не объяснила факт своего появления ничем. Да ее никто и не спрашивал. Тот, с кем она вышла наружу, совершенно точно не собирался ни о чем спрашивать: девушка увязалась за ним, буквально привязалась. До того она прыгала в толпе как все, то есть изгибаясь, при этом ломала якобы руки, свешивала волосы как плакучая ива, все как у всех, только лицо было какое-то сияющее. Он обратил внимание на это сверкающее лицо в толпе остальных девушек, которые вели себя более-менее одинаково, как пьяные весталки на древней оргии, на какой-нибудь вакханалии, где под покровом тьмы единственной одеждой остается венок.

Правила на таких праздниках всегда одни и те же во все времена, серые самцы и яркие самочки, и эта особенная девушка тоже не была исключением, она приделалась в некое подобие переливающейся змеиной шкурки.

Но лица у всех оставались искаженными той или иной степенью страсти, а у этой сияло непосредственной радостью. Такое возникало впечатление, что остальные были равнодушными хозяйками на празднике, а эта пробралась с большими трудами, ей удалось, и она была счастлива.

Тот, кто вышел впереди нее, был спокоен, угрюм. Он и на этот осенний бал явился непонятно зачем, его тоска не требовала ни музыки, ни плясок. Он презрительно стоял у стены, пил. Не шевелился. Он тут был как бы мерило власти. Осуществлял эталон скучающего хозяина.

Девушка в змеиной шкурке остановилась рядом с ним, плечом к плечу, и тоже замерла, как будто обретя покой. И так и осталась стоять.

Хозяин своей судьбы на нее даже не поглядел. Она тоже на него не взглянула, только тихо сияла.

Зачем она ему была нужна, вот вопрос. Эта радость, бессмысленный свет, покорность, готовность.

Таких не берем! Он постарался всем своим видом выразить немедленно возникшее в ответ чувство протеста, высокомерно, как каждый преследуемый, повернулся и пошел вон.

Как только он стронулся с места, она, разумеется, потащилась следом. Он надел свое пальто, она — шубку.

Вышли в туман.

Серые ночные просторы открылись, массы холодного воздуха окружили, надавили, хлынули в лицо. Даже моросило.

Она шла рядом, попевала, он двигался сам по себе, она при нем.

Он опять-таки всем своим видом выражал, что идет с целью вернуться домой, причем один. Ускорил шаг.

Она семенила за ним, буквально как собачка на прогулке, явно боясь потерять хозяина.

Вот кому такие нужны? Он мельком взглянул на нее. Мордочка хорошенькая, фигурка прекрасная, ножки длинные, все как надо. Но лицо! Сияет счастьем буквально. Как будто ее похвалили, причем она этого не ожидала и обрадовалась. И прилипла!

Он нехотя сказал:

— Ко мне нельзя.

Она молча бежала рядом, не меняя выражения лица. Восторженного причем!

— Ты поняла?

Она в припадке обожания молча кивнула.

— Так куда же ты потащилась?

Она схватила его за локоть и теперь шла как бы под ручку с ним.

Здрате!

Он специально пристально посмотрел на нее. Убрал локоть.

— Ты что?

Она со счастливым лицом бежала рядом.

— Я говорю, что ко мне нельзя!

Она наконец сказала:

— Ко мне тем более.

Голос низкий, грудной. Умный.

Никому не нужная поспешает неизвестно куда. В общаге дежурный ее не пропустит. А к тебе я и не собирался!

Он знал эту породу прилипчивых, любящих существ, этих маленьких осьминогов, готовых оплести и задушить. Они обвивали, не отставали, обнаруживали его в любом месте, преследовали, готовы были на всё. Что-то они все находили в бедном студенте. Звонили на пост к дежурным, устраивали засады в библиотеке, в столовой.

— Ну все, мне сюда, — сказал он и махнул рукой в сторону бокового проспекта.

Огромные серые ночные просторы, пронизанные сыплющимся повсюду туманом, кое-где освещенные блеклым сиянием фонарей, открывались по сторонам. Пустынные окраинные места! Окаянный холод, предвестник зимы. Редкие огоньки горели вдали в темных жилых массивах.

Разумеется, она повернула следом за ним.

Там, в тех сторонах, были новые общежития, городские выселки, вообще тьма. Там стояли еще не очень освоенные городские кварталы, там почти никто не жил, в той отдаленной глуши.

Он как бы пожал плечами, снимая с себя всякую ответственность (как она поплетется домой, когда ее завернут от дверей, в наших краях и такси не найдешь).

Он скривил свой мужественный рот.

Прилипала бежала рядом сияя. Лицо ее буквально сверкало во тьме.

— Зовут тебя как? — вдруг спросила она низким голосом.

— Анатолий, — пошутил он. На самом деле его звали иначе, но приходилось таиться. Мало ли бывало случаев, когда прилипалы находили его по имени.

— Ты учишься?

— Да.

— На каком?

— На географическом.

Он тут же придумывал себе легенду.

— На каком курсе?

— На пятом.

— Тогда непонятно, — вдруг сказала она.

— Что тебе непонятно?

— Все непонятно.

Его сердце забилося: вот оно, начинается преследование!

Она продолжала допрос, он продолжал придумывать.

Почему-то ему не приходило в голову просто промолчать.

Дело доехало до того, что он рассказал о своем дипломе (Индия, запрещенные к въезду штаты), о своем плане получить грант и поехать туда, в Нагаленд.

Это была не его жизнь, а отдаленные мечты. Когда-то у него была любовь с индуской Ирой, взрослой девушкой-нагайной из штата Нагаленд. У нее как раз был грант на изучение русского языка. Потом он закончился, и Ира уехала.

Голос его выдавал все новые и новые подробности жизни запретного штата — как там охотятся

за черепами и выставляют их на частоколе вокруг хижины, как змеи ползут к коровам на вечернюю дойку и просят у женщин свою порцию, как свои змеи охраняют детей от чужих гадюк и охотников за черепами из соседних деревень.

Ира вообще-то уже была совершенно другой, цивилизованной студенткой, христианского вероисповедания, она жила в Дели в домике на плоской крыше четырехэтажного древнего дома, в мусульманском районе. Спокойно спала в пять утра под оглушительные призывы муэдзина с соседского минарета. Готовить не умела, разве что «дал» (фасоль), и то извинялась, что недоварила. Питалась в студенческих забегаловках или просто на улице. Уехала с родной реки, полной водяных змей, в пятнадцать лет, с горстью бабушкиных драгоценностей. Училась уже во втором университете, знала множество языков. Но ее квартиру на крыше постоянно обворовывали, поскольку жители дома днем на раскаленную верхотуру не поднимались, прятались в недрах у подземного колодца, и сторожить было некому. Так что все деньги и бабушкины драгоценности украли, а приехавшие полицейские за осмотр взяли последние триста рупий. И Ира со смехом рассказывала, что привезла туда из родных мест змею. Которая любила покрасоваться на видном месте, на подоконнике, и была совершенно безобидна для людей, питалась мелкими птичками. Ира крошила для них хлеб на крыльцо и могла уходить хоть на целый день, оставляя дверь незапертой и воду для нагайны в тазике. Но однажды она нашла свою под-

ругу искромсанной, а домик ограбленным дочиста: злодеи, видимо, принесли с собой мангуст.

Вспоминая ее смешные рассказы, он торопливо шел сквозь туман все вперед и вперед. И вдруг неожиданно для себя сказал:

— Знаешь таких мангуст? Охотники за змеями.

Прилипала в ответ почему-то засмеялась.

Христианка Ира один раз, когда ее друг заболел пневмонией, спросила, где можно купить живого петуха, удивленного ответа не приняла и ушла на целый день. Затем сказала, что ездила в лес. Об этом говорить было нельзя, это выглядело как практика вуду. Чудом он тогда выздоровел.

Незнакомка шла все время рядом, как собака, буквально у ноги, и вся переливалась, светилась. Видно было, что ее несет на крыльях неожиданной любви, что все совпадает с ее надеждами и тайными мечтами о принце.

Дурочка.

После Иры он никого не мог любить. Она была большая мастерица по этой части. Это она в самый первый день положила ему под дверь цветы, а потом села к нему за столик в столовой и засмеялась. Ей было уже тридцать лет.

Мнимый Анатолий говорил глухо, невыразительно, но подробно. Она задавала вопросы.

Сам он ничем никогда не интересовался у девушек. Прилипалки обычно о себе не сообщали, зато буквально цепенели, жадно поглощая любую информацию с его стороны. При этом и спрашивать стеснялись.

Эта, новая, не тормозила абсолютно, была свободна и счастлива — как Ира в тот первый день.

Но прилипали нам не нужны!

Они обычно, уже во второй раз, караулили на его путях, стояли как надгробия, вынужденно улыбаясь, даже рук не протягивали, чтобы коснуться. Иногда касались. Его била дрожь омерзения. Почему-то их притягивала именно шея, они дотрагивались до него своими ледяными пальцами, когда он сидел в библиотеке, например. Они казались ему конвоем, какими-то незримыми, но вездесущими вампирами, которые крадут его сущность, сосут из него информацию, хотят жить его жизнью.

— У меня потребность, — жалобно сказала одна, — потребность тебя коснуться.

Она как раз караулила его именно с этой ужасной целью. Он вдруг чувствовал на шее как бы ледяной укус. Мазок чужой руки.

Эта, новенькая из его армии, летела рядом как на крыльях, невесомая и блестящая. Она уже не надеялась на его рукав, видимо, успела напиться чужой энергией, расстояние держала сантиметров сорок. Разрыв, как ни странно, увеличивался.

Ира явно была колдунья, она надолго привязала к себе душу мрачного псевдо-Анатолия, чтобы он спустя годы так рассказывал о ее жизни. Теперь он плел байки о том, что его одного товарища из Индии сразу по приезде в университет обокрали, и все полгода этот товарищ голодал, но высидел весь срок, изучая русский язык довольно весело.

Он еще тогда подозревал, что Ира ходит подрабатывать в студенческий бордель. Многие девушки с их курса хорошо одевались, ездили на такси и не ночевали в общежитии. Ира кормила своего друга довольно часто.

— Мой животик зарабатывает, — говорила она.

А ее подруги тут же сказали, что Ира списывала со стены у телефона номера трех борделей.

Так оно и шло.

— Как тебя зовут? — снова спросила новая прилипала.

— Сергей, я говорил уже, — ответил он, давая понять, что врет.

Девушка реагировала на это радостным смехом, не переставая светиться и переливаться во тьме. И она опять не сообщила в ответ, как зовут ее. Обычно те, предыдущие, сразу называли себя, как будто их кто спрашивал.

— А как теперь живет твой друг индус?

— Как живет, не знаю, — быстро произнес этот новоявленный Сергей. — Он или уехал заканчивать университет в Дели к себе на крышу, или вернулся к змеям в Нагаленд. Там повсюду змеи. Их кормят, поят. Если есть домашняя змея, она отпугивает всех остальных змей. Дело доходит до драк, — вдруг засмеялся он.

Она ответила низким грудным смехом. Какой красивый, однако, у нее голос!

— До драк?

— Да! Змеи сражаются! Домашняя должна победить. Если хозяева видят, что побеждает чужая,